

ПЯТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОЦИАЛЬНОМУ РЫНОЧНОМУ ХОЗЯЙСТВУ ГЕРМАНИИ: ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Борис Сорви́ров

Экономические успехи ФРГ хорошо известны. Естественно поэтому и интерес к опыту этой страны. Тем более, что в этом опыте присутствуют, наряду с экономической эффективностью, успехи в решении социальных проблем. Однако изучение идей, заложенных в модели социальной рыночной экономики Германии, и заимствование этого опыта не так просто, как может показаться. Всякий успешный опыт подвержен угрозе идеализации. Критерий оценки часто основывается на текущих достижениях. Наш собственный опыт "построения социализма в одной стране" свидетельствует, что отличительные оценки, хвалебные отзывы о его результатах раздавались отнюдь не только в советских изданиях.

Тем не менее успехи Германии настолько внушительны, что вполне закономерно поставлен вопрос — может ли экономика Беларуси чему-либо научиться, что-либо позаимствовать в период перехода к рынку, который мы в настоящее время переживаем. В этой связи опыт концептуальной разработки и практического воплощения концепции социального рыночного хозяйства представляется не только актуальным, интересным, но и необходимым в связи с тем, что многие проблемы в области экономической политики ФРГ (особенно периода восстановления после Второй мировой войны) перекликаются и поразительно совпадают с сегодняшними белорусскими, а уроки их разрешения (денежная реформа, насыщение товарного рынка и т. д.) крайне поучительны.

Принятие в республике концепции социальной рыночной экономики и дискуссии вокруг нее обнаружили как недостаточную теоретическую разработку новой модели экономики, так и неопределенность путей перехода к ней. Думается, не вполне оправдано сосредоточение всех усилий на поиске и обосновании путей и методов перехода к социальной рыночной экономике без ясного представления об основных ее принципах. Ведь говоря о приверженности социальной рыночной экономике, различные теоретики и практики понимают ее по-разному, а это накладывает отпечаток и на выработку программ перехода к новой системе.

Рассматривая же концепцию социального рыночного хозяйства Германии, хотелось бы, в первую очередь, рассмотреть не только (и даже не столько) механизм перехода, сколько процесс ее формирования — реальной системы социальной рыночной экономики.

Само понятие "социальное рыночное хозяйство" было введено в 1946 г. Альфредом Мюллером-Армаком для определения парадигмы экономической политики, сочетающей принципы "рыночной свободы" и "социального выравнивания"¹. При этом первый из них означал, что индивидуумы, в принципе, принимают экономические решения под свою ответственность независимо от государства и бюрократии. Ограничения свободы действий допустимы лишь тогда, когда граждане выражают на это согласие путем свободных и де-

мократических выборов. Принцип социального выравнивания был направлен на надежное обеспечение стабильности и жизнеспособности свободного общества на основе его признания как приемлемого всеми социальными слоями. Для этого необходимо обеспечить справедливость возможностей и жизнь, достойную человека.

Проект свободного общественного порядка, который одновременно должен был быть социально ориентированным, явился, во-первых, результатом негативного исторического опыта, связанного с применением антидемократической и антисоциальной системы национал-социалистской принудительной экономики, а также с экономическими и социальными проблемами периода между войнами и мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Во-вторых, он основывался на теориях и представлениях в области экономической и социальной политики.

Экономической и концептуальной основой социального рыночного хозяйства стал ордолиберализм Фрайбургской школы, начало которому, как варианту неолиберализма, было положено экономистом Вальтером Ойкенем и юристом Францем Бемом еще в начале 30-х гг. во Фрайбурге. Ордолиберализм исходит из убеждения, что только хозяйственный порядок, основанный на свободе и ответственности каждого индивидуума, может эффективно обеспечить общество ограниченными благами и неуклонно повышать всеобщее благосостояние. Для этого требуются не нравственные сверхлюди, а общие институциональные условия, которые таким образом регулируют хозяйственную деятельность индивидуумов (естественно, реализующих свои интересы), что в конечном счете от этого выигрывают все.

Вместе с тем свобода без ограничений со стороны других индивидуумов или государства является лишь формальной. Ее действительное осуществление в значительной мере определяется соответствующими экономическими и материальными возможностями каждого. В этом состоит материальная свобода. Однако формальная и действительная свобода не существуют порознь, они зависят друг от друга. Так, с расширением материальной свободы возрастают шансы, связанные с формальной свободой. В то же время формальная свобода способствует материальной, поскольку дает различные возможности для использования и развития собственных способностей и увеличения средств в своих интересах.

Характерной чертой немецкого ордолиберализма является то, что он обращает особое внимание на общие институциональные условия, в которых осуществляется хозяйственная деятельность, и стремится найти оптимальный вариант таких условий. При этом под общими институциональными условиями, т. е. порядком, понимаются правила и нормы, ограничивающие индивидуальную экономическую деятельность. Сюда относятся конституционные, правовые или организационные правила, соглашения, обычаи и нормы, а так-

Сорви́ров Борис Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономических теорий Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины

же правила, с помощью которых реализуются другие правила. С этими условиями считаются все участники хозяйственной жизни, а их несоблюдение влечет за собой социальные и материальные санкции. Тем самым они способствуют упорядоченности и постоянству хозяйственной деятельности при аналогичных и повторяющихся ситуациях, возникающих в результате решений деловых партнеров, и таким образом содействуют стабильным и уверенным ожиданиям в отношении поведения экономических агентов. В результате этого отношения становятся менее сложными и более стабильными, возникает взаимное доверие, только которое и может надежно обеспечить упорядоченную хозяйственную общественную жизнь.

В то время как традиционный либерализм исходит из того, что свободное рыночное хозяйство формируется само собой в процессе свободной конкуренции, сторонники ордолиберализма скептически относятся к такому механизму эволюции и отбора. При этом они ссылаются на опыт экономики Германии периода между двумя мировыми войнами, когда она страдала от картелей, слияния фирм, соглашения о ценах, различных государственных мер, направленных против конкуренции. Поэтому, чтобы не допустить подобных антисоциальных и антидемократических тенденций, ордолибералисты выступают за такие правила конкуренции, которые государство должно защищать от постоянных попыток определенных объединений и организаций обойти или ограничить конкуренцию. Конечно, государство должно иметь сильную позицию, что не означает его широкое и частое вмешательство в хозяйственную жизнь. Вместе с тем под сильным государством здесь понимается государство, способное противостоять влиянию объединений и организаций и их стремлениям².

Чтобы конкурентный порядок сохранил свое влияние как фактор обеспечения свободы и благосостояния, должны реализовываться определенные конституирующие и регулирующие принципы государственной экономической политики, к которым В. Ойкен относил:

- создание дееспособной, т. е. в основном не подверженной государственному влиянию, системы цен;
- примат денежной политики, т. е. политики стабильных денег, препятствующей искажению рыночных цен в результате инфляции или дефляции и потере ими своей регулирующей функции;
- открытые рынки, т. е. свободный доступ на рынок отечественных и иностранных контрагентов;
- частную собственность как предпосылку индивидуальной свободы и координации рынка;
- свободу заключения договоров как средство осуществления права на свободу;
- полную ответственность, препятствующую тому, что собственники перекладывают на других риски и последствия ошибочных решений в процессе рыночных отношений;
- стабильность экономической политики, не допускающей роста неуверенности граждан и фирм под влиянием быстро меняющихся мер;
- контроль за монополиями, т. е. меры, препятствующие возникновению монополий и господства на рынке;
- коррекцию внешнего влияния на издержки, т. е. государственное вмешательство в тех случаях, когда невозможна полная калькуляция в смысле полного учета издержек через механизм рынка в соответствии с принципом материальной ответственности лица, деятель-

ность которого обусловило возникновение убытков (например, при расходах на обеспечение экологически чистого производства);

— меры против негативных социальных последствий, связанных с тем, что, например, при низкой зарплате, чтобы выжить, работникам приходится увеличивать интенсивность использования предложений своей рабочей силы;

— меры политики доходов по корректировке их распределения, которое является результатом рыночных и конкурентных процессов. При таком регулировании, во-первых, исключаются те, кто, даже несмотря на свои активные усилия, не может выступать на рынке, во-вторых, в положении участников рынка могут возникнуть большие различия, которые с точки зрения большинства граждан нарушают принципы честности и справедливости и подрывают их доверие к существующему общественному и хозяйственному порядку.

Горячими приверженцами ордолиберализма были и Альфред Мюллер-Армак, и Людвиг Эрхард, который выразил свою позицию еще в конце войны в основных принципах ликвидации национал-социалистской военной экономики³. Мюллер-Армак сделал это, когда разъяснил свое понимание социального рыночного хозяйства, цель которого он видел в том, чтобы "в условиях основанной на конкуренции экономики соединить свободную инициативу с социальным прогрессом, который обеспечивается именно достижениями рыночного хозяйства"⁴. Вместе с тем в отличие от традиционного ордолиберализма Мюллер-Армак рассматривал социальное рыночное хозяйство не как замкнутую концепцию, а как более широкую и гибкую парадигму, которая способствовала миру и общественному примирению, объединяла различные мировоззрения в единую концепцию. После Второй мировой войны к таким мировоззрениям, наряду с идеями социализма, относились также неолиберальные представления, католическое социальное учение и протестантская этика.

Следует особо подчеркнуть заслугу Людвиг Эрхарда в том, что именно он ввел социальное рыночное хозяйство. Его заслуга тем более велика, что после Второй мировой войны в Германии, а также в других западноевропейских странах в соответствии с "духом времени" предпочтению отдавалось скорее интервенционистской экономической политике, основанной на государственном управлении хозяйством.

Отметим также, что концепция социального рыночного хозяйства не является завершенной и тем более единственно верной, поэтому требует постоянной корректировки, и теоретическая работа немецких ученых в этом направлении не прекращается до сего дня. И все же успех данной концепции во многом предопределен ее хорошим теоретическим обоснованием, прежде всего в трудах В. Ойкена, А. Мюллера-Армака, Д. Эрхарда, В. Репке и др. Без такой мощной теоретической подготовки вряд ли удалось бы разработать сложный, разветвленный механизм регулирования экономики.

Но и в неолиберальном лагере нет единого подхода к объяснению механизма рыночной экономики, иные взгляды даже полярны (это наблюдается не только в среде ученых, но и у предпринимателей). Так, противоположные мнения о степени свободы рынка, о работе предпринимателя на неизвестный рынок, о возможности кооперации фирм высказывают, например, профессора Килья и Кельна, с одной стороны (например, Г. Гирш, К. Ватрин), и Геттингена и Мюнхена, с дру-

гой (например, Г. Гессе, Г. Меллер, Э. фон Бевентер). Первые выступают за понимание рынка как полностью свободного, где все определяется конкурентным механизмом. Вторые считают свободу рынка относительной, степень неопределенности снижающейся, а кооперацию — неотъемлемым дополнением конкуренции. Абсолютизируя какую-либо позицию, мы рискуем получить искаженное представление о рыночной системе и, что гораздо хуже, — попытаться ее внедрить.

Ряд устойчивых положений, характеризующих рынок, не только присущ различным концепциям (или вариантам концепции социального рыночного хозяйства), но и проявляется в реальной политике хозяйствования. Наиболее важными для понимания сути социального рыночного хозяйства представляются следующие положения, которые высказываются не только неолибералами, но и представителями других направлений экономической мысли (например, близкими к социал-демократии неокейнсианцами).

Исходным и наиболее общим понятием рассматриваемой концепции является, разумеется, рынок. Он не может рассматриваться как аксиома, как нечто, не требующее обоснования и объяснения. В связи с этим следует заметить, что идея социального рынка, выдвинутая правительством республики и часто повторяемая в той или иной связи политиками различного уровня, предполагает, скорее всего, что категория "рынок" имеет однозначное и всем известное толкование. В результате нередко возникают недоразумения, поскольку непонятно, о чем идет речь.

Несмотря на то, что нюансы в объяснении рынка различными учеными имеются и на Западе, для представителей и сторонников концепции социального рыночного хозяйства, как уже выше было сказано, характерна определенность понятий. Представляется, что многие из них можно "принять за основу" и нам, тем самым не тратить время на поиски уже известных решений, а сосредоточиться на проблемах новых, специфических, еще не решенных экономической наукой.

В самом общем виде рынок означает не децентрализацию принятия решений, а согласование этих решений хозяйствующими субъектами. Решения принимаются отдельными, но многочисленными и разнообразными субъектами, а не только собственниками капитала. Более того, в современной рыночной экономике решения принимают не только непосредственно вступающие в процесс обмена продавец и покупатель. К числу хозяйствующих субъектов относятся индивидуальные потребители, домашние хозяйства, общественные институты, предприниматели, управляющие фирм, коалиции наемных работников и коалиции предпринимателей, собственники, государственные органы регулирования. Соотношение субъектов не является фиксированным, жестко закрепленным, а сами субъекты, будучи свободными и самостоятельными, не изолированы друг от друга, но взаимосвязаны (и взаимозависимы) на всех стадиях хозяйственной деятельности, и отнюдь не только в сфере обмена. Вместе с тем характернейшей чертой рынка является приоритет микроцелей (целей индивидов, отдельных хозяйств) над макроцелями, в том числе и общественными. Таким образом, в социальной рыночной экономике происходит "в высшей степени реалистичное разделение позиций экономической власти, чтобы предотвратить возникновение политической власти в хозяйственной сфере" ⁵.

Как мы уже ранее видели, понятие рынка, для которого характерен приоритет индивидуальных интересов, неразрывно связано с понятием свободы. Но это единство весьма далеко от состояния анархии, стихии и хаоса. Напротив, оно предпочитает высокую организацию, упорядоченность и согласованность, которые не навязываются извне как некие регулирующие границы, а порождаются самим рыночным механизмом. Последний функционирует лишь постольку, поскольку каждый индивид, воля которого свободна, самостоятельно определяет желаемые цели и действия по их достижению, принимая на себя всю ответственность за результаты. Другими словами, рыночная организация хозяйства опирается не на "дикую", "инстинктивную", а на осознанную и ответственную свободу каждого отдельного человека. После Макса Вебера во многих исследованиях отмечалось, что именно такая организация хозяйства соответствует христианско-европейской традиции видения свободы и самостоятельных решений человека. Небезынтересно, что определение либеральными экономистами свободного рыночного хозяйства через свободу человека удивительным образом перекликается с тезисом К. Маркса — "Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех" (правда, в отличие от либералов, Маркс был убежден, что "опосредствование общественных отношений меновой торговлей, деньгами ведет к самоотчуждению человека, следовательно, его человеческая сущность не может проявиться, а рабство достигает апогея" ⁶).

Если упразднение частной собственности и обмена, по Марксу, не только обуславливает свободу человека, но делает эту свободу абсолютной, то либеральные и неолиберальные концепции рынка почти всегда указывают на неизбежные и необходимые ограничения свободы, поскольку абсолютная свобода индивида означает ограничение свободы других. Рамки возможного определяют природные, индивидуальные и общественные ограничения, но важнейшим фактором, который в конечном счете и определил суть социального рыночного хозяйства, стало сознательное формирование экономического порядка, при котором свобода индивидуальных действий увязывается с ориентацией на социальную справедливость.

Свобода в рыночной экономике, повторимся еще раз, проявляется прежде всего как свобода выбора, перед необходимостью которого, по существу, стоит каждый субъект рыночных отношений. Заведомо однозначных решений в хозяйственной деятельности нет, и поэтому из множества вариантов приходится выбирать сферу и формы хозяйствования, экономических контрагентов (производителей-поставщиков и потребителей), способы финансирования и производственной кооперации, технологию и цены, направления и размещения ресурсов и т. д. Этот важнейший рыночный принцип, принцип свободы выбора, свободы принятия решений, реализуется через закрепленные законодательством свободу предпринимательской деятельности, свободу договоров, свободу конкуренции, свободу использования собственности, свободу производства, торговли и потребления, свободу выбора профессии, свободу коалиций.

Разумеется, было бы наивно полагать, что в условиях Беларуси и ее экономики возможен достаточно быстрый переход от, по сути, "старой" системы к перечисленным принципам свободной экономики: они не могут внедряться постановлениями парламента, Каби-

нета министров и указами президента, а должны возникать естественным образом из освобождаемой экономики и лишь затем закрепляться в законах. Но общая концепция рынка и программа перехода к нему должны ориентироваться на эти принципы как основополагающие. Если же они останутся в тени декларируемой рыночной экономики, то сам рынок будет не более чем благим пожеланием. Если в концепции и реальной политике нет ориентации на свободную экономику, а правительство видит ее лишь в свободе повышать цены или произвольно то разрешать, то запрещать какие-либо хозяйственные формы, то идея социальной рыночной экономики быстро окажется дискредитированной. Прежде чем разрабатывать механизм регулирования рынка (который при сохранении старой, по сути дела, системы управления имеет шанс превратиться в механизм ограничения или даже удушения реального рынка), необходимо создать условия для свободы хозяйственной деятельности и гарантировать эту свободу. Тайна эффективной рыночной экономики, по мнению одного из крупнейших немецких специалистов в области сравнительного анализа экономических систем профессора А. Шюллера, заключается не в более производительной технике, не в квалифицированных кадрах и даже не в наличии капитала, а в функционирующей на принципах свободы структурах принятия решений, стимулирования и контроля⁷.

Эффективность свободной экономики вряд ли может проявиться, если будут освобождены лишь отдельные элементы "рынка", например ценообразование, ибо в условиях сверхмонополизированной экономической структуры и отсутствия свободы предпринимательства это может привести лишь к безудержному росту цен и без развития конкуренции, свободного движения капиталов и т. п. разрушит экономику раньше, чем подойдет намеченный срок "допущения следующей свободы".

Процесс становления рынка предполагает постепенное, но комплексное, одновременно охватывающее все элементы экономики, освобождение. Расширение степени свободы каждого элемента и всей рыночной системы взаимообусловлено, что подчеркивалось теоретиками социального рыночного хозяйства, причем важнейшей является взаимозависимость свободного соревнования конкурирующих производителей и свободы выбора потребителями из множества предлагаемых альтернатив. "Конкуренция означает две формы: свободу отношений между конкурентами и свободу выбора потребителей. Или, в ином выражении: "свобода для конкуренции" и "свобода через конкуренцию". Только если есть одна, может существовать и другая: только свобода предпринимательской деятельности создает предпосылки для свободы выбора потребителей"⁸.

Переход от тоталитарной экономики к рынку в Германии был обусловлен не столько прагматическими соображениями или экономическими выкладками, сколько пробудившейся "волей к свободе". Именно поэтому важнейшим пунктом всей программы перехода к рынку стало освобождение экономики, максимальное развитие свободы предпринимательства, освобождение предприятий от оков государственной регламентации и необходимости следовать целям, установленным централизованными органами регулирования, от общественного коллективизма и от коллективизма "частного" (картели, высококонцентрированные предприятия).

Исходным пунктом реформ при всей значимости финансовой стабилизации не могла быть денежная реформа. Успех последней стал возможен только на фоне свободного предпринимательства (хотя денежная реформа и создавала благоприятные условия для предпринимательства, инициировать его сама по себе она не могла, да и без начавшегося процесса свободной экономической деятельности выглядела бы малосодержательной). Переход к рынку при помощи финансовой стабилизации, проводимой государственными органами, при сохранении административной регламентации производства и распределения выглядит по меньшей мере недоразумением.

Распространение "философии свободы", создающее благоприятный психологический климат для восприятия рынка, облегчалось ненавистью к тоталитарному режиму прошлых лет, а в западных зонах оккупации Германии ему способствовала еще и американская пропаганда. Но в реальной действительности свободная экономика могла обернуться, по крайней мере для части граждан, весьма неприятными сторонами. Многие желали не только свободы, но и гарантий, прежде всего гарантий рабочих мест, чего никак нельзя было ждать от свободного рынка. Экономическая свобода и приоритет индивидуальных интересов могут вызвать чрезмерное развитие индивидуального и группового эгоизма, забвение общих интересов, противостояние различных слоев общества, перерастающее в конфликты, и, в конечном счете, разрушение конкурентных отношений, а значит — разрушение свободной экономики.

Нет ничего удивительного в сохранении сильных социалистических представлений (точнее, желания социального патернализма со стороны государства) и в нашем белорусском обществе, если даже в Германии после 1945 г. наиболее привлекательными были именно социалистические представления об организации хозяйства. Причем в западных зонах оккупации не в меньшей мере, чем в советской. Большая часть населения Германии не могла представить себе восстановление экономики страны иначе, как под строгим контролем и управлением государства, которое справедливо распределяло бы тяготы экономических преобразований. Немало крупных деятелей в западных зонах оккупации (в том числе предшественник Л. Эрхарда на посту директора Экономического управления Землер) призывало улучшить экономическое положение при помощи восстановления "государственного авторитета в области хозяйствования"⁹. Впрочем, не менее убедительными были аргументы сторонников немедленной ликвидации "планового хозяйства", поскольку "аппаратное хозяйство" невозможно без превращения всех граждан в правонарушителей при помощи "законов принудительного характера", подрывающих "идеи правовой демократии"¹⁰. В похожей ситуации, сразу после крушения берлинской стены в ноябре 1989 г., крупный западногерманский экономист К.-Х. фон Вайцекер афористично высказал эту же мысль: "Без штази (то есть министерства госбезопасности ГДР) невозможно существование централизованного планового хозяйства"¹¹. Наконец, после 1945 г., во многом неожиданно для Л. Эрхарда и его сторонников, выяснилось, что ратовавшие за экономическую свободу крупные предприниматели настроены против действительно свободной конкуренции и настойчиво выступают за экономическую необходимость картелей.

Все эти обстоятельства (а к ним еще надо добавить соперничество двух социальных систем на полигоне разделенной Германии и нескрываемое желание США именно здесь доказать преимущество "свободного общества" перед "коммунизмом") вынуждали немецких политиков искать компромиссную концепцию, соответствующую необычному лозунгу: "Больше свободы, больше социализма!"¹². Сразу отметим, что в данном случае под социализмом понимался не тот строй, который к тому времени существовал в СССР, а деконцентрация собственности (и в определенных случаях — ее национализация), регулирование государством условий хозяйственной жизни и, пожалуй, главное — сильная социальная политика, социальная справедливость и солидарность.

Однако с самого начала в Западной Германии, по существу сознательно, предпринимались попытки не просто соединить, смешать элементы свободного рынка (капитализма) и социализма, а создать качественно новую, "третью форму" социально-экономического развития.

Многoletних концептуальных дискуссий немцам не потребовалось, ибо теория в готовом виде уже имела — ордолиберализм фрайбургской школы, о чем уже выше говорилось. Отметим только то, что ключевым словом ордолиберализма был порядок (орднунг) в экономических отношениях, причем не стихийно возникающий в результате действия анонимных сил на рынке, а сознательно и целенаправленно формируемый государством. Вместе с тем система правил, регулирующих мер, институтов должна соответствовать содержанию рынка, помогать ему и никак не противодействовать. Кроме того, такая политика организации экономической среды, общих условий, законов и правил, т. е. "политика порядка", была призвана координировать интересы путем совершенствования общественного устройства с целью снятия напряжения, которое существовало между индивидуальным поведением, с одной стороны, и общими интересами — с другой.

Как видим, теоретики концепции социального рыночного хозяйства ясно осознавали невозможность свободного рынка, невозможность реализации во второй половине XX века традиционной либеральной доктрины начала XIX века. Тем самым эта концепция попыталась преодолеть традиционные неолиберальные взгляды, хотя и не отрицая их полного "снятия", диалектического снятия, но существенно модифицируя их.

Как и неолибералы, сторонники социальной рыночной экономики выступали непримиримыми противниками централизованного государственного управления, но одновременно требовали проведения сильной государственной политики. В определенной степени это не кажущееся, а реальное внутреннее противоречие ордолиберализма. Но здесь скрыта проблема, которая, на наш взгляд, заключается если не в полной, то в значительной асоциальности, или социальной нейтральности, рынка. Понятия "социальная справедливость", а также "социальная ответственность" и "солидарность" не имманентны рынку. Функция рынка — высокоэффективное производство и доставка потребителям необходимых им продуктов. Достигая высокой производительности и тем сокращая рабочее время, рационально используя ресурсы, удовлетворяя запросы потребителей, рынок в некоторой степени проявляется как социальный инструмент (поэтому мы не говорим о его полной асоциальности), но распределение доходов в рыночной экономике носит функциональный характер,

ориентировано на производство, а не на индивидов в соответствии с принятыми в обществе ценностями. Переориентация возможна лишь в результате социальной политики.

Теоретикам и практикам концепции социального рыночного хозяйства было очевидно, что традиционный либеральный рынок не способен справиться с тенденцией концентрации и монополизации, разрушительным образом действующей на механизм свободной конкуренции. Позднее возникли новые пункты, где отказывал рыночный механизм и требовалось иное регулирование (например, экология, гуманизация труда и т. д.). Таким образом, мы видим, что рассматриваемая концепция выступает, с одной стороны, как альтернатива старому капитализму, исходя из сильного государства, организации рынка и подчинения его установленному экономическому порядку, а с другой — как альтернатива "коммунизму", опираясь на идею полной, свободной, динамичной конкуренции и не поддерживая огосударствление средств производства.

Первоначально ордолибералы намеревались проводить всеобъемлющую и радикальную структурную политику, соединяющую организацию рынка, решение социальных проблем, регулирование отношений собственности. Целью была трансформация экономических и общественных структур для их наибольшего соответствия рыночному механизму. Однако государственное вмешательство всегда рассматривалось как лекарство, излечивающее недуги, но чреватое негативными побочными последствиями. Если рынок подчинялся "экономическому порядку", то государство подчинялось рынку. Настороженное отношение к государству сохранялось всегда, что, на наш взгляд, сыграло весьма позитивную роль, ибо предотвратило потенциальное возрождение государственно-монополистического капитализма.

Чрезвычайно важно, что ни о каком равноправии двух регулирующих форм — рыночной и государственной — не было и речи. Государственное вмешательство рассматривалось как исключение, допустимое лишь при отказах рынка (если рыночные механизмы не обеспечивают действительно свободное ценообразование, а цена перестает играть роль информационного импульса для действий всех субъектов хозяйства), причем важнейшим критерием обоснованности государственного вмешательства было содействие конкуренции. Разумеется, запрещалось любое государственное вмешательство в экономические процессы, если оно подрывало конкуренцию, разрушительно действовало на рыночные формы.

Несмотря на то, что ордолиберализм стал теоретическим базисом социального рыночного хозяйства, последнее в некоторых важнейших пунктах отклонялось от него уже на стадии формирования концепции (А. Мюллером-Армаком и Л. Эрхардом). Произошел отказ от радикальной "структурной политики", что, впрочем, имело свои преимущества: можно было входить в рыночную экономику при сохранении вначале ее старых структур, не проводя предварительного этапа приспособления и трансформации старых структур как социальной предпосылки рынка. Для подготовительных, "стабилизационных" этапов времени уже не было, поэтому была взята на вооружение разумная идея, которая, кстати, спустя сорок два года вновь была принята для восточной части Германии и упорно не видится правительством нашей республики: "Стабилизация через рынок, а не стабилизация для рынка".

В концепции же социального рыночного хозяйства место структурной политики заняла социальная политика. Что касается формирования экономической среды, благоприятной для рынка, установления правил и т. п., то на первых порах не эти вопросы были первостепенными, а освобождение экономики от государственных оков, возрождение свободного предпринимательского духа, содействие ремеслу и торговле. И это было единственно правильным решением, ибо, прежде чем регулировать рынок, обставлять его законами, необходимо увидеть его реальное функционирование. Регулировать же законами деятельность, например, каких-либо товариществ, коих еще нет в природе, занятие малоперспективное.

Все же ряд мер по организации рынка необходимо было проводить с самого начала. Действительно поворотным пунктом в процессе формирования новой экономической системы стала денежная реформа в июне 1948 г. Механизм ее проведения — вопрос особый, который здесь мы не рассматриваем. Но следует все же подчеркнуть, что денежная реформа была тесно увязана с экономической реформой. Через шесть дней после денежной реформы был принят закон "О принципах хозяйственного управления и ценовой политики после денежной реформы", в котором четко и однозначно декларировались намерения в кратчайшие сроки упразднить государственное управление в готовых к этому отраслях, предотвращать монополию и содействовать конкуренции. Еще не было самих законов, регулирующих эти процессы (они будут создаваться еще многие годы), но путь развитию рыночных отношений был открыт. Главным регулятором становились свободные цены, но для переходного периода в ряде сфер действовали особые правила (они распространялись, например, на отдельные продукты питания, жилье, а также в металлургической и угледобывающей отраслях промышленности); одновременно была введена в действие специальная программа производства удешевленных продуктов потребления.

Однако денежная реформа и переход к свободным ценам окончились бы катастрофой, если бы не удалось моментально насытить потребительский рынок: во-первых, за счет американской помощи (прав был Л. Эрхард, утверждавший, что денежная реформа без тесной связи с "планом Маршалла" была бы немислима); во-вторых, за счет накопленных в торговле и на фирмах запасов; в-третьих, путем быстрой и эффективной переориентации экономики на потребительский сектор.

Принятие законов, регулирующих социальное рыночное хозяйство, растянулось, как уже отмечалось, на долгие годы (пакеты законов никогда не предлагались). Так, например, закон о порядке заключения коллективных договоров (один из первых) был принят в 1949 г., первый закон об уставе предприятия, регулирующий права и обязанности работодателей и наемных рабочих и служащих, закон о содействии стабильности и экономическому росту, в 1976 г. — закон о соучастии наемных работников в управлении предприятием и т. д. Законы, таким образом, закрепляли объективно складывающиеся позитивные тенденции или реагировали на актуальные проблемы, а не являлись плодом интеллектуальных раздумий.

Однако несколько позоздалое принятие закона против ограничения конкуренции, основного закона рыночной экономики, связано было прежде всего с сильным сопротивлением промышленников, и поэтому закон был

принят в смягченной форме. Но в последующие годы, особенно в 1973 г., он был дополнен существенными пунктами, например, добавление к принципиальному запрещению картелей также и неофициальных устных договоренностей об установлении цен, введение контроля за слиянием фирм. Но развитие производственной и научно-технической кооперации делает соглашения десятков и тысяч фирм практически неизбежными. Есть и вполне легальный способ ведения переговоров и обмена информацией под видом специализированных симпозиумов и семинаров. Несмотря на законодательное запрещение совместных действий на рынке или согласования действий фирм, на практике существует множество исключений из нормы, которые исходят из того, что:

1) если в одном случае вследствие согласованных действий происходит ограничение конкуренции, то в других случаях оно может содействовать расширению свободы конкуренции, так что общие условия конкуренции в экономике в целом улучшаются;

2) ограничение конкуренции вследствие согласованных действий может привести к увеличению экономических результатов на рынке в целом.

Все это открывает возможности осуществлять самую широкую кооперацию, долгосрочные прямые связи между фирмами.

Конкуренция, своей обратной стороной имеющая кооперацию, не только характеризует современный рынок, но и создает основу качественно нового типа планомерности — децентрализованной планомерности. "То, что мы называем рыночным хозяйством, — подчеркивает К.-Х. фон Вайцеккер, — есть экономическая система, в которой компетенция принятия решений и тем самым планирования, и тем самым компетенция использовать в целях координации также и иерархический принцип, реализуется децентрализованно"¹³. Именно в работах немецких теоретиков социального рыночного хозяйства неоднократно предпринимались попытки отделить понятие "планирование" от понятия "государство" и "власть". Еще в 1946 г. Л. Эрхард писал, что противоположность, собственно, существует не между свободной и плановой экономикой, а между рыночной экономикой со свободным ценообразованием и государственной приказной экономикой с регулятивным вмешательством, в том числе в распределение.

Через четверть века, когда проникновение неокейнсианских методов в социальное рыночное хозяйство стало особенно интенсивным и для ФРГ стала реальной возможность индикативного планирования, "планификации", Эрхард вместе с Мюллером-Армаком решительно выступили против иллюзий государственно-централизованного планирования, заявили о несовместимости индикативного планирования и социального рыночного хозяйства, выразили твердое убеждение, что индикативное планирование либо бессмысленно, либо постепенно ведет к централизованному принудительному планированию. Вместе с тем они подчеркивали, что альтернатива планированию не бесплановость или даже анархия. Отказ от планирования проявляется потом искаженно в форме иррационального поведения. Планируют и в рыночной экономике. Но только отдельные хозяйствующие субъекты и, соответственно, для себя.

Видимо, необходимо признать, что на практике западногерманские предприниматели были ближе принципам социального рыночного хозяйства в интерпретации Эрхарда и Мюллера-Армака, чем рекомендации неолибералов или неокейнсианцев.

Положение о необходимости децентрализованного планирования в рыночной экономике имеет важное значение и для стран, переходящих к рынку сегодня, ибо, разрушая централизованную систему команд и регламентаций, они мало заботятся о создании качественно нового механизма планирования на уровне предприятий.

В восточногерманских землях еще до валютного союза упор в подготовке перехода к рынку был сделан на микроуровне, на предприятии. Для перехода к рынку оказалось существенным не только разгосударствление собственности, но и разгосударствление планирования, финансирования, бухгалтерского учета (одним из важнейших пунктов готовности перехода к рынку восточногерманских предприятий стало открытие начального баланса в западногерманских марках и по правилам ФРГ). Решающее значение для становления системы рыночных связей имеет принцип свободного заключения договоров, который особенно трудно бывает реализовать у нас по причине слаборазвитой экономической культуры и экономической этики.

Многие из этих проблем восточногерманские предприятия решают с помощью западногерманских партнерских фирм, а также огромной консультационной и информационной помощи, получаемой ими практически бесплатно. И несмотря на это, сложности весьма велики. Надежды, что наши белорусские предприятия довольно быстро освоятся на рынке "стихийно", "за свой счет" или с помощью кооператоров-посредников и консультантов, совершенно беспочвенны.

Современная рыночная экономика — это сложный механизм, несмотря на относительную простоту отдельных элементов. Это "смешанная экономика", в которой конкурентные, кооперационные, планомерные,

государственно-регулирующие формы соединяются в противоречивый, но цельный, единый хозяйственный механизм. Высокая эффективность достигается тогда, когда они не вытесняют, а дополняют друг друга при приоритете индивидуальных хозяйственных решений и конкурентных отношений.

Однако децентрализация принятия решений в сфере производства и в сфере обращения, надежность и предсказуемость горизонтальных связей обусловлена, как минимум, двумя обстоятельствами: 1) организацией рынка, функционированием четкого хозяйственного правового механизма, выработкой правил и норм, а также становлением рыночной этики;

2) свободой договоров и возможностью выбора экономического контрагента, что в значительной степени обеспечивается антимонопольными мерами, но прежде всего — мерами по обеспечению конкуренции, свободой предпринимательства. Без этого любые паллиативные меры по финансовому оздоровлению и тем более по замораживанию хозяйственных связей ни ситуации не улучшат, ни к рынку нас не приведут. Что же касается механизма социального рыночного хозяйства, то не следует смотреть на него, как на нечто экзотическое и к нам отношения не имеющее. Напротив, для нас он открывает много поучительного. Нашей национальной экономике этот механизм ближе, чем более широко пропагандируемый рынок американского образца. Разумеется, модель социального рыночного хозяйства нельзя целиком импортировать в Беларусь (как это сделала бывшая ГДР), но сама концепция, основные положения, модифицированные в силу наших специфических особенностей (а эта модель, как мы видели, достаточно гибкая), вполне могут быть реализованы и у нас.

¹ См.: Mueller-Armack A. *Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*. Hamburg, 1946.

² См.: Eucken W. *Grundgesetze der Wirtschaftspolitik*. 6 Aufl. Tuebingen, 1990.

³ Erhard L. *Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung*. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1977.

⁴ Mueller-Armack A. *Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft*. S. 23.

⁵ Mueller-Armack A. *Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik*. Freiburg im Br.: Rombach, 1966, S. 89.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 18, 24.

⁷ *Marktwirtschaft im Sozialismus*. Stuttgart, N.Y.: Fischer. 1990. S. 35.

⁸ Erhard L., Mueller-Armack A. *Soziale Marktwirtschaftsordnung der Zukunft: Manifest '72*. Frankfurt a. M., 1972. S. 214.

⁹ Blum R. *Soziale Marktwirtschaft*. Tuebingen: Mohr, 1969. S. 264.

¹⁰ Ibid. S. 265.

¹¹ Weizsacker C. von. *Soziale Marktwirtschaft und Demokratie // Zeitschrift fuer Wirtschaftspolitik*. Jg. 39. H.1., 1990. S. 17.

¹² Blum R. *Soziale Marktwirtschaft*. S. 92, 278, 281.

¹³ Weizsacker C. von. *Soziale Marktwirtschaft und Demokratie*. S. 15—16.

SUMMARY

"The article "Five Decades of Social Market Economy in Germany: the Instructive Lessons of the Past and the Contemporary Situation" gives theoretical consideration to the ideas underlying the model of social market economy of Germany and to the necessity to use them in the transformation of the economic system of Belarus. The interest in the German experience is very high and German economic success is well-known. Alongside with the economic efficiency, this experience includes successful settlement of social problems. Though the task is not as simple as it might seem. Every successful experience is liable to be idealized, for the evaluation criterion is based on current achievements.

At the same time, raising the issue of the republic's economy learning something and gaining and borrowing some experience in this transition period towards market economy is quite relevant: the coincidence of the problems is striking and the lessons drawn from their resolving are very instructive.

This is not the case with the general evaluation of the ideas of "Ordnungsliberalismus" which underlay the economic policy of the FRG and made up its ideology. The Ordnungsliberalismus concept itself suffered changes and development and was not without inherent contradictions. That is why German economists, while adhering to this ideology, divide in their evaluation: some preferring a greater "liberalism" others — a greater "order".

The article stresses that the market which came into being in the FRG in the post-war period, was very heterogeneous and the state determined its character and functioning conditions to a great extent. Already in the 50s a great area of economy was beyond the zone of the market price mechanism and the law on competition did not cover it. For various social and political reasons the state exercised a regulating influence on several branches of economy and practiced various kinds of selective regulating. Thus a free market did not rule absolutely in the FRG; there appeared the state

mechanism of market regulation with a wide range of regulating instruments which obviously went far beyond the scope accepted by the Freiburg School. Still, when the market obeyed "the economic order", the state obeyed the market. A guarded attitude to the state persisted which played a positive role by preventing a potential revival of the state monopolistic capitalism.

The article expresses an opinion that the German model of social market economy is of greater practical interest for Belarus compared with the American one where the elements of liberalism or market forces have more scope to play, because the legal and ethical rules characteristic of the organized market are more developed in the FRG than in the USA.

A pronounced area of German experience of the last decades is social economic policy at the enterprise level. The article notes the importance of this experience mainly from the side of planning at the enterprise level and in the area of the employees' participation in management and property deals.

The German experience offers a lot to learn for Belarus. But the social market model can not be transplanted completely into the republic (as it has been done in the former GDR). As the same time the concept itself, the main propositions modified to suit specific Belarusian requirements, may well be realized in the Republic of Belarus.